

был без ума «Облака в штанах»

Тут отчетлив Пушкин, как ориентир и кумир Пастернака, как творец, конгениальный самому Петру. Петровский Петербург для Пастернака построен Пушкиным. Достоевский тут, впрочем, тоже пронизывается. Неоконченный прозаический текст «Петербург» 1917 года: «Да, очень может быть, что он попахивал страницей Достоевского, ибо эти страницы Достоевского хранили его, ибо этим страницам не существовать бы — не обладал художник вкусом и не измерь он удельный вес дыхания туманов петроградских болот».

Дмитрий Быков пишет, что у Пастернака в «Темах и вариациях» Пушкин и сфинкс — равноправные, уравновешивающие силы. Поэт и стихия, поэт и сила, поэт и власть: «Противостояние и взаимное уравновешивание поэта и власти стало главной темой Пастернака на протяжении всех двадцатых и тридцатых, пока он верил, что власть стоит рассматривать всерьез».

Эта новая власть, новые творцы приходили на место Петра, затмевая и петровский Петербург, и пушкинский, и достоевский — своим красным видением. Петербург стал Ленинградом; Пастернак продолжал его называть по-прежнему. С ним была связана новая боль: теперь это ворота в иной, прежний мир. Туда эмигрируют не нашедшие себе места в мире новом. Родители Пастернака и его сестры в 1921 году покидают советскую Россию по личному ходатайству Луначарского. Летом 1922 года Пастернак с молодой женой, художницей Евгенией Лурье, собрались в Берлин, к родителям. Отплывали из Петрограда.

С ними на пароходе «Гакен» Россию покидал композитор Артур Лурье — возлюбленный Ахматовой. Ахматова провожала пароход. В памяти Пастернака навсегда отчеканился ее бесстрастный профиль на фоне залива.

Об этом моменте Пастернак написал свое «Отплыть»:

*Слышен лепет соли каплющей,
Гул колес едва показан.
Тихо взявши гавань за плечи,
Мы отходим за пакгаузы.
Плеск и плеск, и плеск без отзыва.
Взбегаясь со стенаньем,
Вспыхивает бледно-розовая
Моря ширь берестяная.
Треск и хруст скелетов раковых,
И шипит, горя, береста.
Ширь растет, и море вздрагивает
От ее прироста.*

После потрясений переворота Петроград как будто даже стал ему дороже Москвы. Потому что новая красная Москва была сильнее в нем и звучала больнее.

Из письма 1924 года: «...понял, что Москва навязана мне рождением, что это мое пассивное приданое, что это город моих воспоминаний <...>. Что я все силы приложу к тому, чтобы отсюда переехать, на первое время — скажем — в Петербург».

Надо еще сказать, что по смешанному своему стилю, составу населения и пр. и пр. Москва теперь производит в высшей степени фальшивое впечатление. Бывает время, когда тут начинаешь чувствовать, что дышишь ложью, всеобщей и сплошной, пропитывающей решительно все кругом, начиная от кирпича и кончая людскими разговорами».

Борис Пастернак, Сергей Эйзенштейн, Владимир Маяковский и Лиля Брик.

Зимой 1925 г. он пишет о Петербурге младшей сестре Жозефине:

«Это изумительный город. Надо в нем побывать и немного пожить, чтобы чувства к родине и мысли о ней разместились в должном порядке и пришли в равновесье, свое, особенное, без петербургских впечатлений недостижимое».

Переехать не получилось, Пастернак до конца жизни остался в Москве. Но тяга к Петербургу была сильной. Здесь рядом, в Тайцах, он снимал дачу с женой. Здесь проходили его творческие вечера в Капелле, тут он печатался. В 1924 году Чуковский издал его повесть «Воздушные пути» в «Русском современнике» — последний всплеск журнальной свободы в стране. В том же году издание закрыли. «Умные люди, а не понимают, что делают», — прокомментировал безнадежную затею Чуковского Троцкий.

«В ТИШИНУ, ЧИСТОТУ И ХОЛОД...»

Революционная краснота стала темнеть тучами. Беззащитным титанам с захлебывающейся искренностью здесь было уж точно не место. Но другого места для них уже не было.

Пошли аресты. Начинается уничтожение Мандельштама, который в ноябре 1933 года пишет свое «Мы живем, под собою не чуя страны...», читает его полтора десяткам человек — в том числе и Пастернаку. Пастернак это назвал самоубийством. Неловко вступился за Мандельштама перед Сталиным. Хлопотал об освобождении (только временно, конечно) Николая Пунина и Льва Гумилева.

При этом сам он был официально признан, даже выездной — его отправляли на антифашистский конгресс в Париж, он виделся с Цветаевой, заезжал в Лондон, к сестре в Берлин. Статус прославленного поэта (Бухарин называл его лучшим поэтом Союза!) давил на него тяжелейшим грузом. Была бессонница. Потом произошел нервный срыв.

«Я приехал в Ленинград в состоянии острой истерии, т. е. начинал плакать при каждом сказанном кому-нибудь слову. В этом состоянии я попал в тишину, чистоту и холод тети Асиной квартиры и вдруг поверил, что могу тут отойти от пестрого мельканья красок, радио, лжи, мошеннического и бесчеловечного по отношению ко мне раздувания моего значенья, полуразвратной обстановки от-

лей, всегда напоминающих мне о тебе, что стало моей травмой и несчастьем... И надо же, наконец, обрести тот душевный покой, которого я так колдовски и мучительно лишен третий месяц!» (12 июля 1935 г., Ленинград).

Здесь его выхаживала уже другая женщина, вторая супруга Зинаида Николаевна Нейгауз. Жила с ним неделю в «Европейской». Постепенно Пастернак отошел. Холод его Петербурга все-таки мог привести в чувства, как холодный компресс.

Множество его вещей печаталось здесь, в Ленинграде, в «Звезде». Рукописи, присланные в редакцию, по сей день хранятся в архивах Пушкинского дома.

Волны толкутся.

Мостки для ходьбы.

*Облачно. Небо над бумом, залитым
Мутью, мешает*

с толченым графитом

Узких свистков паровые клубы.

Пасмурный день растерял катера.

Снасти крепки,

как раскуренный кластер.

Детем и доками пахнет ненастье

И огурцами — баркасов кора.

С мартовской тучи летят паруса

Наоткось, мокрыми хлопьями

в слякоть,

Тают в каналах балтийского шлака,

Тлеют по черным следам колеса.

Облачно. Щелкает лодочный блок.

Пристани бьют в ледяные ладоши.

Глуко бульжничок обрушивши, лошадь

Глухо въезжает на мокрый песок.

Уже много позже в Ленинграде было еще одно событие, важное для Пастернака. В апреле 1954 года Григорий Козинцев поставил «Гамлета» в пастернаковском переводе; Пастернак даже специально для этого спектакля стремительно перевел 74-й сонет Шекспира, но Козинцев использовал перевод Маршака.

На премьеру Пастернак, впрочем, не поехал, поскольку не желал отвлекаться от дописываемого романа «Доктор Живаго». Ольга Фрейденберг посетила спектакль и написала ему восторженное письмо, одно из последних. Она умерла 6 июля 1955 года — в год окончания романа. Круг замкнулся. Петербург, холодный российский Эльсинор, распрощался со своим Гамлетом, своим противником и возлюбленным. И кто скажет, о ком эти строки, о Петре или о самом поэте:

Тучи, как волосы, встали дыбом

Над дымной, бледной Невой.

Кто ты? О, кто ты?

Кто бы ты ни был,

Город — вымысел твой.

Улицы рвутся, как мысли, к гавани

Черной рекой манифестов.

Нет, и в могиле глухой и в саване

Ты не нашел себе места.

Воли наводнения не удержишь сваями.

Речь их, как кисти слепых повитух.

Это ведь бредишь ты, невменяемый,

Быстро бормочешь вслух.